

DOI: [10.14515/monitoring.2022.2.1910](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1910)

Е. А. Варшавер, Н. С. Иванова, А. Л. Рочева

КОГДА И ПОЧЕМУ МИГРАНТЫ ПРИОБРЕТАЮТ ЖИЛЬЕ В РОССИИ И КАК ЭТО СВЯЗАНО С ИНТЕГРАЦИЕЙ?

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Иванова Н. С., Рочева А. Л. Когда и почему мигранты приобретают жилье в России и как это связано с интеграцией? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 223—247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1910>.

For citation:

Varshaver E. A., Ivanova N. S., Rocheva A. L. (2022) Why and When Do Migrants in Russia Come to Homeownership and How Is It Related to Integration? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 223–247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1910>. (In Russ.)

КОГДА И ПОЧЕМУ МИГРАНТЫ ПРИОБРЕТАЮТ ЖИЛЬЕ В РОССИИ И КАК ЭТО СВЯЗАНО С ИНТЕГРАЦИЕЙ?

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — кандидат социологических наук, руководитель Группы исследований миграции и этничности, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

РОЧЕВА Анна Леонидовна — кандидат социологических наук, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

Аннотация. Статья отвечает на вопросы о том, когда и почему закавказские и среднеазиатские мигранты приобретают жилье в России и как приобретение жилья связано с интеграцией. Основной тестируемой моделью явля-

WHY AND WHEN DO MIGRANTS IN RUSSIA COME TO HOMEOWNERSHIP AND HOW IS IT RELATED TO INTEGRATION?

Evgeni A. VARSHAVER¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Group for Ethnicity and Migration Research; Senior Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Nataliya S. IVANOVA¹ — Researcher, Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Anna L. ROCHEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher, Group for Ethnicity and Migration Research; Research Fellow, Center for Regional Research and Urban Studies
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-3181-9698>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. This article explores when and why Central Asian and Transcaucasian migrants in Russia turn to homeownership, and how this fact is bounded to their patterns of integration. The main theoretical model tested is the straight

ется теория линейной ассимиляции, дополненная резидентным компонентом. Эмпирическая база исследования — массовый всероссийский опрос в социальных сетях ($N = 4888$), проведенный по анкете, посвященной связи резидентных и интеграционных переменных. Авторы используют корреляционно-регрессионный анализ, зависимой переменной выступает факт наличия недвижимости в собственности у респондента или одного из членов его семьи. В число независимых переменных включены по-разному сконструированные показатели интеграции. Согласно полученным результатам, хотя есть статистически значимая связь между большинством резидентных, интеграционных и прочих переменных, и все они связаны со временем, прошедшим с момента первой поездки в Россию, именно длительность присутствия в стране в первую очередь объясняет факт покупки жилья. Если принять во внимание этот фактор, большинство интеграционных переменных оказывается не связано с покупкой жилья. Содержательный вывод состоит в том, что даже если из показателей интеграции покупка жилья не следует, она может состояться по факту того, что мигрант давно в России. Эти результаты показывают, что для России в части резидентного поведения мигрантов в целом релевантна теория линейной ассимиляции с дополнениями, внесенными в нее транснациональной моделью.

Ключевые слова: резидентное поведение, миграция, Россия, интеграция, покупка жилья

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Российского

line assimilation theory supplemented with a residential component. Empirically, the study bases on an all-Russian survey carried out in social networks ($N = 4888$). The questionnaire of the survey is devoted to the interconnection between residential and integration characteristics of migrants. The authors perform correlation and regression analysis taking homeownership as the dependent variable; the independent variables include various measures of integration. According to the results, although there is statistically significant association between most of the residential, integrational, and other variables, and all of them are related to the time passed since the first trip to Russia, it is the duration of the presence in the country that primarily explains the fact of buying real estate. If this factor is controlled for, most of the integration variables appear to be unrelated to home purchases. The main conclusion is that while the characteristics of integration may be not predicting purchase of a real estate, the very fact of waging trips to Russia for a long period of time may be sufficient for it. These results show that for Russia, in terms of resident behavior of migrants, the theory of straight line assimilation supplemented with the transnational model is generally relevant.

Keywords: residential behavior, migration, Russia, integration, homeownership

Acknowledgments. The article was prepared with the support of a grant from

научного фонда (проект РНФ № 18-78-10086) «Анализ механизмов формирования этномиграционных анклавов в российских городах».

the Russian Science Foundation (Russian Science Foundation project No. 18-78-10086) «Analysis of the mechanisms for the formation of ethno-migration enclaves in Russian cities».

Введение

Когда и почему мигранты приобретают недвижимость в России и как это связано с их интеграцией в принимающем обществе? В международных исследованиях для ответа на этот вопрос используются модели, созданные на основе теории линейной ассимиляции [Massey, 1985; Alba, Logan, 1992]. Согласно этим моделям, по мере продвижения на рынке труда, изменения ценностных ориентаций, а также роста ощущения принадлежности к принимающему обществу и отдельным сообществам в его рамках у мигрантов появляется возможность и желание приобрести недвижимость. В результате со временем, которое может измеряться как годами, так и поколениями, между мигрантами и местными стираются различия в том, что касается доли собственников жилья. Существует большое количество работ, в которых те или иные аспекты этой модели проверяются и находят свое подтверждение [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009; Chua, Miller, 2009; Amuedo-Dorantes, Mundra, 2013], но есть и те, что не соответствуют модели линейной ассимиляции или даже опровергают ее [Yu, 2006; McConnell, Marcelli, 2007]. «На полях» этих исследований, в первую очередь в рамках собственной логики, были разработаны другие модели, где покупка жилья объясняется через такие явления, как транснационализм и жизненный путь. Согласно исследованиям, призванным поддержать транснациональную модель, покупка недвижимости в принимающей стране негативным образом связана с интенсивностью участия в транснациональной жизни [Shooshtari et al., 2014; Kuuire et al., 2016]. Более того, как следует из некоторых работ, жилье мигранты покупают только в одной из стран, и, таким образом, инвестирование в недвижимость «на родине» будет важнейшей переменной, объясняющей покупку жилья в миграции [McConnell, Marcelli, 2007]. Предлагаемая в этих работах интерпретация в целом продолжает логику теории линейной ассимиляции, в отличие от работ, отталкивающихся от перспективы жизненного пути. Согласно последним, покупка недвижимости объясняется местом этого события в типичных жизненных траекториях мигрантов [Feijten, Mulder, Baizán, 2003], которые задаются в том числе культурными нормами, распространёнными в отправляющих странах [Johnston, Katimin, Milczarski, 1997], и с интеграцией она не связана. Эти модели не являются взаимоисключающими, однако исследований, в которых бы они тестировались эксплицитно, обнаружено не было (исключение — [McConnell, Marcelli, 2007]).

Среди небольшого количества российских исследований, посвященных жилью мигрантов [Бредникова, Ткач, 2010; Рочева, 2015; Гришанов, Ноздрин, Шнейдерман, 2017], лишь некоторые так или иначе касаются связи между покупкой жилья и интеграцией, более того, в этих работах скорее формулируются гипотезы, но не даются ответы [Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020]. Вместе с тем российский контекст, будучи в целом недоисследованным, является доста-

точно необычным в том, что касается значимых для этих моделей переменных. В частности, миграция в Россию по многим причинам оказывается существенно более транснациональной в сравнении с прочими миграционными контекстами, а культурные смыслы жилья в постсоветских странах, где оно сначала было в государственной собственности, а затем — в ходе приватизации — часто становилось главным и единственным активом домохозяйства, неизбежно отличаются от культурных смыслов жилья в других странах. В связи с этим целесообразным представляется исследовать связь между покупкой жилья мигрантами и их интеграцией на российском материале — в этом и состоит цель представленной статьи.

Теоретический контекст и теоретическая рамка исследования

В большинстве стран собственность на жилье распространена среди мигрантов в меньшей степени, чем среди местных жителей [Alba, Logan, 1992; Magnusson Turner, Hedman, 2014; Kauppinen, Skifter Andersen, Hedman, 2015], и только в редких случаях эти две группы оказываются сопоставимы [Chua, Miller, 2009] или же соотношение оказывается обратным [Ray, Moore, 1991; Balakrishnan, Wu, 1992]. Для объяснения этого разрыва, а также для изучения механизмов и причин приобретения жилья мигрантами исследователи предлагают несколько моделей, в центре которых находятся такие концепты, как (1) интеграция, (2) транснационализм, и (3) подход жизненного пути.

Первая, наиболее популярная, модель опирается на представление о «линейной» ассимиляции, согласно которому жилищные условия мигрантов на первых этапах остаются очень скромными, но постепенно, по мере укрепления позиций мигрантов на рынке труда, повышения дохода и принятия культурных образцов принимающего общества, они начинают улучшаться [Massey, 1985; Alba, Logan, 1992]. Кульминацией этого улучшения — даже в странах с заявленной «нейтральностью отношений с жильем» (*tenure neutrality*), например Швеции [Magnusson Turner, Hedman, 2014], — считается покупка собственного жилья [Kuuire et al., 2016]. Впрочем, это событие обычно происходит по прошествии многих лет пребывания в стране или даже через поколения.

Положительная связь между разными аспектами интеграции мигрантов и переходом к статусу собственников жилья продемонстрирована во многих исследованиях. Часто в них показывается связь покупки жилья и экономических аспектов интеграции [Owusu, 1998; Teixeira, 2006; Kauppinen, Vilkkama, 2016]. Другие исследования фокусируются на прочих особенностях этой связи. Так, обработка данных немецкой статистики показала, что владение жильем среди мигрантов связано с «этнической идентичностью», которая в интерпретации авторов этих расчетов включает в себя уровень владения немецким языком, этнические категории трех ближайших друзей, миграционные планы, предпочтение газет из Германии или страны происхождения и самоидентификацию с Германией или страной происхождения [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009]. Проведенные в США и Австралии исследования свидетельствуют, что быстрее приобретали жилье те мигранты, которые лучше владели английским языком [Alba, Logan, 1992; Chua, Miller, 2009]. В другой работе сравнение приезжих из Азии и испаноговорящих мигрантов в США показало высокую скорость покупки жилья среди первых

и низкую — среди вторых; при этом авторы отмечают, что первые отличаются быстрой натурализацией и более высоким уровнем владения английским языком [Myers, Lee, 1998]. В прочих исследованиях подчеркивается связь между интеграцией и правовым статусом мигрантов [Amuedo-Dorantes, Mundra, 2013], в частности, наличием гражданства [Callis, 2003]. Кроме того, иногда исследователи заменяют интеграционные характеристики числом лет, которые мигрант провел в принимающей стране, подразумевая, что они связаны положительно и линейно [Alba, Logan, 1992], несмотря на то, что в работах, где в регрессионных моделях присутствуют одновременно и число лет, и показатель интеграции, обнаруживается значимость обеих переменных [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009].

В ряде исследований представление о том, что в основе резидентного поведения лежат принципы линейной ассимиляции, напротив, корректируется или опровергается. Так, согласно выводам статьи [Kim, Boyd, 2009], представители первого и второго поколения мигрантов в Канаде активно приобретают жилье, в то время как в третьем поколении наблюдается «регресс». Для покупки жилья, кроме того, могут быть значимы одни аспекты интеграции и не значимы — другие. В частности, мексиканские мигранты в Лос-Анджелесе с большей вероятностью покупают жилье, если хорошо владеют английским и участвуют в работе общественных объединений, а вот их правовой статус не связан с покупкой жилья [McConnell, Marcelli, 2007]. Более того, отдельные интеграционные характеристики могут быть связаны с приобретением жилья обратным образом: например, среди мигрантов из Тайваня в Калифорнии связь между уверенным владением английским языком и собственностью на недвижимость — отрицательная, то есть чаще жилье покупают те, кто английским владеет плохо [Yu, 2006].

Исследования покупки жилья через призму интеграции довольно многочисленны, и основной объясняющей моделью в них является именно модель линейной ассимиляции, а также различные теоретические надстройки над ней. Существуют, впрочем, и другие модели. В частности, одна из них отталкивается от интенсивности транснационального поведения мигрантов, включающей в себя ряд компонент. Во-первых, это частота поездок: так, новозеландцы, живущие в Австралии, интенсивно ездят между странами, пользуясь режимом облегченного перемещения, и реже обладают жильем в принимающей стране [Chua, Miller, 2009]. Во-вторых, это денежные переводы: в разных контекстах мигранты, отправляющие денежные переводы домой, с меньшей вероятностью покупают жилье в принимающей стране [Shooshtari et al., 2014; Kuuire et al., 2016]. Объясняется эта связь, например, тем, что из-за переводов на покупку недвижимости средств не остается, либо тем, что переводы перечисляются на приобретение жилья в отправляющей стране [Osili, 2004; Obeng-Odoom, 2010; Erdal, 2012], и это может быть связано с планами туда вернуться [Owusu, 1998]. Транснациональные практики в моделях, объясняющих покупку жилья, кроме того, могут быть по-разному связаны с интеграционными характеристиками: в одних работах ориентация на страну происхождения не имела значения, а значимой была ориентация на принимающую страну [Constant, Roberts, Zimmermann, 2009], тогда как в других — транснационализм и интеграционные характеристики оказывались значимыми одновременно и были связаны с покупкой жилья мигрантами противоположным образом [McConnell,

Marcelli, 2007]. В целом, однако, транснациональная модель не противоречит, а скорее дополняет интеграционную.

Несколько отстоит от этих двух моделей третья, в основании которой лежит перспектива жизненного пути; здесь приобретение жилья связано прежде всего с социально-экономическими и демографическими характеристиками индивидов в разные моменты их жизни. В целом, согласно этой модели, предполагается, что люди покупают дом или квартиру в связи с другими жизненными событиями из сферы брачного и репродуктивного поведения, в определенном возрасте и в тот момент, когда это позволяет доход [Feijten, Mulder, Baizán, 2003]. В одних миграционных исследованиях эта модель нашла подтверждение [Krivo, 1995], в других ее объяснительная сила оказалась слишком низкой [Kauppinen, Skifter Andersen, Hedman, 2015]. Наступление демографических событий в этой модели часто объясняются культурными нормами, а среди последних выделяются связанные с приобретением жилья. Так, в случае корейских мигрантов в США, покупка дома — это событие, имеющее определенное место в последовательности других событий, включая брак, открытие своего бизнеса, рождение детей, а также приглашение родителей из Кореи в США [Johnston, Katimin, Milczarski, 1997].

Исследования, в которых бы сравнивались все или хотя бы несколько из описанных моделей в части их потенциала объяснения того, как и почему мигранты покупают жилье в принимающих странах, чрезвычайно редки (см. [McConnell, Marcelli, 2007]). Кроме того, поскольку для исследования покупки жилья мигрантами важную роль играют контекстуальные факторы, связанные с рынком недвижимости и институциональными условиями финансирования покупки жилья, а также нормативные представления о жилище, принятые в принимающих и отправляющих обществах, мы можем предположить, что на постсоветском пространстве ситуация может отличаться от других, более изученных, стран. Исследований, в которых бы детально изучалась покупка недвижимости в России мигрантами на количественных данных, нам обнаружить не удалось: существующие работы о жилье мигрантов немногочисленны и либо посвящены другим аспектам [Бредникова, Ткач, 2010; Рочева, 2015; Гришанов, Ноздрин, Шнейдерман, 2017], либо основываются на качественных данных и скорее формулируют гипотезы, чем проверяют их [Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020].

В своей работе мы фокусируемся на связи интеграции и покупки жилья, а также тестируем альтернативные, не интеграционные, объяснения этого поведения, при этом в рамках концептуализации интеграции мы ориентируемся на так называемую немецкую традицию исследования интеграции [Esser, 2001; Heckmann, 2005] и выделяем структурный, культурный, социальный и идентификационный аспекты [Варшавер, Рочева, 2016]. Для работы с альтернативными гипотезами мы используем транснациональный подход [Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992; Vertovec, 2009] и парадигму жизненного пути [Elder, 1994; Mortimer, Shanahan, 2007].

Методология исследования

В ноябре-декабре 2020 г. был проведен массовый опрос в социальных сетях, посвященный характеристикам расселения мигрантов и их интеграции. Было собрано два массива данных. В выборку первого из них вошли этнические мигран-

ты¹ первого и второго поколений из стран Закавказья (Армении и Азербайджана) и Средней Азии (Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана), в выборку второго — представители местного населения, не мигранты. Респондент квалифицировался как мигрант первого поколения в том случае, если он закончил школу в одной из указанных стран и отнес себя к одной из «закавказских» или «среднеазиатских» национальностей. Респондент квалифицировался как мигрант второго поколения, если он закончил школу в России, отнес себя к одной из «закавказских» или «среднеазиатских» национальностей, при этом его родители (хотя бы один) родились в указанных странах Закавказья и Средней Азии. Наконец, респондент квалифицировался как местный в том случае, если он и оба его родителя закончили школу в России. В массив, таким образом, не вошли две важные группы: мигранты из прочих регионов мира (включая, например, украинских), а также неэтнические мигранты из Закавказья и Средней Азии.

Опрос был проведен в интернете, анкета распространялась посредством таргетированной рекламы в социальных сетях Вконтакте, Instagram*² и Одноклассники. Анкета была переведена на пять языков (армянский, азербайджанский, киргизский, узбекский и таджикский), и респонденту предлагалось выбрать нужный язык. Для достижения мигрантов первого и второго поколения реклама показывалась участникам этнически маркированных групп (Вконтакте, Одноклассники), а также тем, для кого указанные страны и их столицы определялись социальной сетью в качестве интереса (Instagram*). Для достижения представителей местного населения осуществлялся стихийный таргетинг по социальным сетям. Всего было создано порядка 600 объявлений, они различались в зависимости от характеристик целевых групп (примеры объявлений см. на рис. 1—3). Выборка была стихийной и квотной, при этом квоты выделялись на основании социальной сети и страны происхождения мигрантов, а также принадлежности к большой группе мигрантов (которая включала в себя мигрантов как первого, так и второго поколений) или местных. Кликнувшие на объявления перенаправлялись на первую страницу анкеты на сайте [surveymonkey.com](https://www.surveymonkey.com). Из собранного массива были удалены анкеты, заполненные менее чем за 5 минут, а также те, в которых был указан возраст младше 18 или старше 99 лет. Всего после чистки в массив было включено 4888 анкет (есть ответ на первый блок вопросов, который позволяет классифицировать респондента), из которых 2235 — полностью завершённые. Среди начатых анкет мигрантов 2585 — это анкеты мигрантов первого поколения, 638 — второго. Доля дошедших до конца анкеты в целом по массиву составляет 45%, при этом местные полностью заполняют анкету в 67% случаев, мигранты второго поколения — в 47%, а мигранты первого поколения — в 32% случаев. Среди мигрантов первого поколения эта доля варьируется от 28% (киргыстанцы) до 40% (азербайджанцы). Для данной статьи за исключением нескольких сравнений, приведенных для описания контекста, анализ осуществляется на основе анкет мигрантов первого поколения, при этом в модели включаются анкеты респондентов, ответивших на все вопросы,

¹ Под «этническим» понимаются те мигранты, в отношении которых у значительной части принимающего населения возникает ощущение культурной инаковости. В российском контексте этнические мигранты — это прежде всего большая часть приезжих из стран Закавказья и Средней Азии.

² Здесь и далее * означает социальные сети, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации.

необходимые для построения модели. Среди них порядка 66% — мужчины, 34% — женщины; средний возраст респондента составляет 31 год при стандартном отклонении 11,4 года, при этом 80% мигрантов первого поколения — это люди в возрасте до 40 лет. Такие оценки в целом соответствует имеющейся статистике МВД³.

Рис. 1. Реклама опроса для представителей местного населения

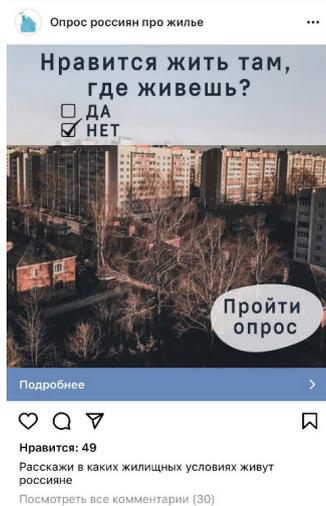
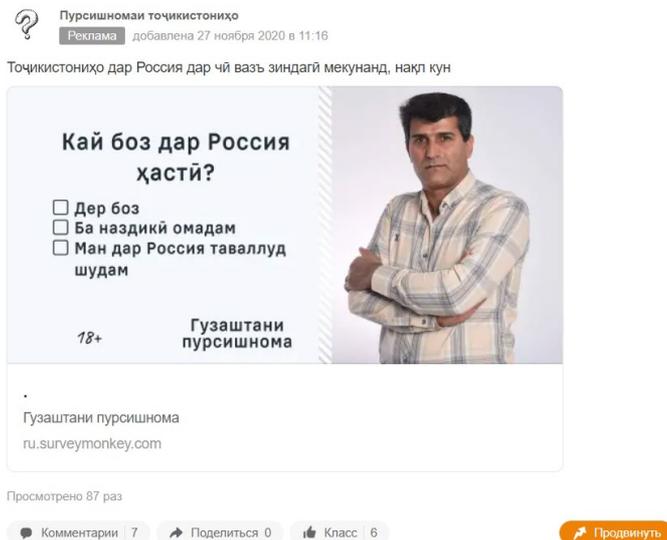
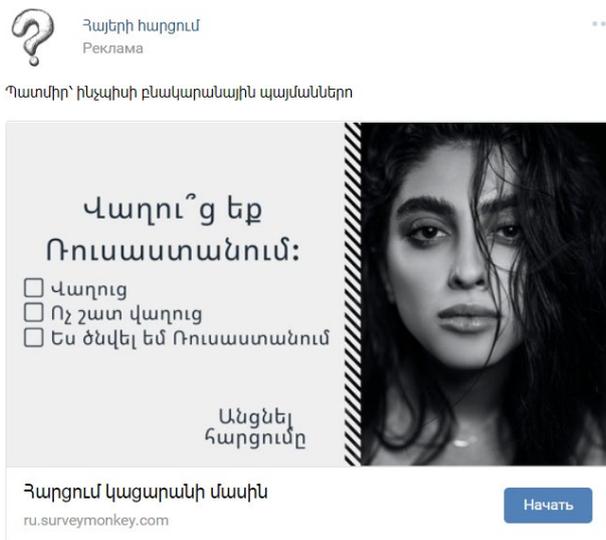

Рис. 2. Реклама опроса для мигрантов на таджикском языке

³ Согласно данным, которые размещала на своем сайте ФМС России (последние данные с распределением по полу и возрасту были размещены в 2016 г., скачаны авторами статьи и доступны по запросу).

Рис. 3. Реклама опроса для мигрантов на армянском языке

В анкету были включены вопросы, которые условно можно разделить на три блока. Первый из них посвящен жилью (под жильем понимается место, где респондент ночует), второй связан с разнообразием его интеграционных характеристик, третий блок — это социально-демографические характеристики респондента. Эти блоки несколько различались у разных групп респондентов, в частности, мигрантам первого поколения задавались вопросы о жилье, которое стало для них первым в России, мигрантам второго поколения и местным эти вопросы не задавались. На основании анкетных вопросов были сконструированы аналитические переменные. В частности, на базе блока, посвященному жилью, была сконструирована переменная «владение жильем», принимающая значения 1 в случае, если жилье находится в собственности у респондента или члена его семьи, 0 — во всех остальных случаях. Именно эта переменная стала центральной для анализа. На основании десяти вопросов из блока, посвященного интеграции, посредством кластерного анализа (метод — кластеризация k-средними) была сконструирована общая переменная «интеграция», а также три частные переменные: «укорененность», «ингрупповой фаворитизм» и «свободное знание русского языка». Кроме того, для анализа были использованы переменные «доход», «квалификация», «транснационализм», «российское гражданство», «количество лет в России», «регион», «тип населенного пункта рождения», «пол», «возраст», «образование», «страна происхождения», «живет с семьей», «живет с супругом», «живет с детьми», «живет с братьями или сестрами»⁴.

Анализ был осуществлен посредством корреляционно-регрессионного моделирования. В качестве зависимой переменной в большинстве случаев в модель

⁴ Более подробное описание переменных, включенных в анализ, доступно по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=10627&hash=e702d7d12362dfbed42162cda3517243>.

помещалась переменная «владение жильем», однако иногда — для проверки гипотез — в качестве зависимой использовались другие переменные. Расчеты осуществлялись в статистическом пакете SPSS, в стандартной выдаче которого при использовании регрессионного анализа методом МНК присутствует стандартизованный коэффициент β , необходимый для сопоставления силы эффекта переменных, различающихся градацией шкал. В связи с этим несмотря на то, что обычно для работы с бинарными зависимыми переменными используется логистическая регрессия, было решено осуществить анализ на основе линейной МНК-регрессии и продемонстрировать его результаты. Модели перепроверялись посредством логистической регрессии, и показатели, в целом будучи менее отчетливыми, по сути не отличались. Всего было оценено 27 моделей, каждая из которых использовалась для проверки или уточнения последовательно формулируемых гипотез.

Результаты

Как опрошенные респонденты распределяются по отношению к занимаемой жилой площади? Как показывают наши оценки (см. табл. 1), среди местных жителей максимальна доля собственников жилья — она составляет 87,6%. Мигранты первого поколения реже всего владеют жильем (29,5%), при этом среди них относительно велика доля проживающих на предоставленной работодателем площади (9,9%), однако чаще всего они являются съемщиками (51,6%). Мигранты второго поколения или выросшие дети мигрантов первого поколения, владея жильем (вероятно, вместе с другими членами семьи) в 64,7% случаев и арендуя его в 31% случаев⁵. Далее анализ будет осуществляться применительно к первому поколению мигрантов.

Таблица 1. **Отношение к жилью среди разных категорий респондентов**

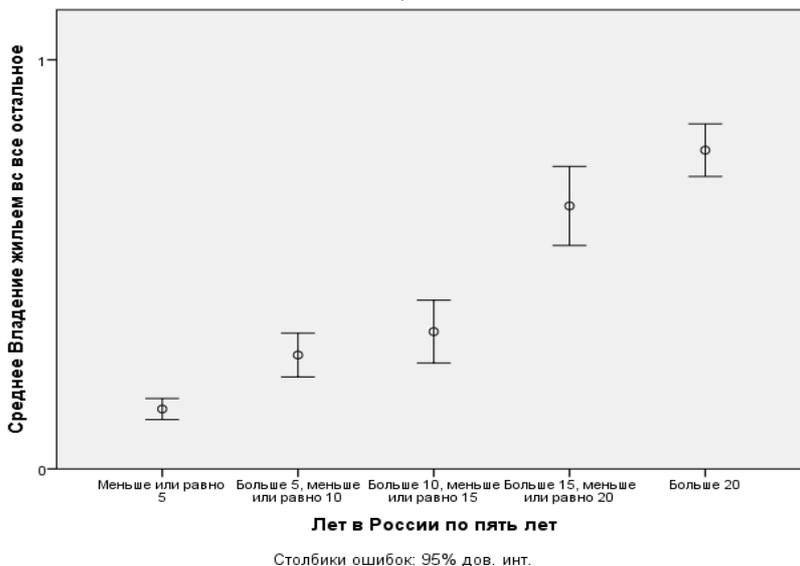
	Я/мы владеем этим жильем	Я/мы снимаем это жилье	Я/мы безвозмездно живем у родственников или знакомых	Я/мы живем в жилье, которое предоставил работодатель	Я/мы живем в жилье, которое предоставило учебное заведение	Число наблюдений
Первое поколение мигрантов	29,5%	51,6%	3,1%	9,9%	5,9%	1441
Второе поколение мигрантов	64,7%	31,0%	2,0%	1,6%	0,7%	451
Местные жители	87,6%	6,7%	4,0%	1,2%	0,5%	1438
Итого						3330

Рассмотрим, как наличие жилья связано с количеством лет, прошедших с момента первого въезда в Россию (см. рис. 4, временная переменная разбита на пятилетние интервалы). Очевидно, что доля владеющих жильем сильно

⁵ Эти различия статистически значимы, Chi-square = 1113, $p < 0,001$.

и положительно связана со временем пребывания в стране, более того, видно, что наиболее интенсивный рост доли собственников происходит в интервале между 15 и 20 годами с момента первого въезда в Россию⁶.

Рис. 4. Распределение доли владеющих жильем по группам, выделенным на основании времени нахождения в России

Как видно из таблицы 2, абсолютное большинство опрошенных мигрантов приобретают жилье — в отличие от местных жителей, значительно чаще получающих жилье в наследство, от государства или организации, а также в результате обмена⁷.

Таблица 2. Способ приобретения жилья среди разных категорий респондентов

	Это жилье Вы/Ваша семья ...					Итого
	... купили	... обменяли	... получили в наследство	... получили у государства	... получили от организации	
Первое поколение мигрантов	84,8%	1,2%	5,0%	5,0%	4,0%	420
Второе поколение мигрантов	90,3%	0,7%	3,8%	3,5%	1,7%	289
Местные	52,3%	7,5%	13,7%	16,8%	9,7%	1251
						1960

⁶ Разница средних статистически значима, согласно тесту ANOVA, сумма квадратов = 66,163, $p < 0,001$.

⁷ Эти различия статистически значимы, Chi-square = 244, $p < 0,001$.

Согласно корреляционному анализу⁸, факт владения жильем статистически связан с большинством прочих переменных, в частности — с возрастом ($r=0,466$, $p<0,001$), длительностью пребывания в России ($r=0,468$, $p<0,001$), планами на будущее ($r=-0,213$, $p<0,001$), наличием российского гражданства ($r=0,567$, $p<0,001$), проживанием в Москве или Московской области ($r=-0,270$, $p<0,001$), наличием работы ($r=-0,076$, $p<0,001$), интеграцией ($r=0,161$, $p<0,001$), укорененностью ($r=0,196$, $p<0,001$), ингрупповым фаворитизмом ($r=-0,066$, $-0,1 > p \geq 0,05$), свободным знанием русского языка ($r=0,189$, $p<0,001$), полом ($r=-0,204$, $p<0,001$), уровне образования ($r=0,075$, $0,05 \geq p > 0,01$), транс-национализмом ($r=-0,306$, $p<0,001$), страной происхождения Азербайджаном ($r=0,245$, $p<0,001$), Арменией ($r=0,281$, $p<0,001$), Кыргызстаном ($r=-0,163$, $p<0,001$), Таджикистаном ($r=-0,100$, $p<0,001$), Узбекистаном ($r=-0,223$, $p<0,001$), другой страной ($r=0,088$, $p<0,001$), неквалифицированной работой ($r=-0,141$, $p<0,001$), проживанием с семьей ($r=0,316$, $p<0,001$), с супругом ($r=0,383$, $p<0,001$), с детьми ($r=0,454$, $p<0,001$), братьями и сестрами ($r=-0,063$, $p<0,001$). Однако, во-первых, эти переменные различаются в том, что касается силы связи с переменной «владение жильем», во-вторых, лишь небольшая часть связей носит очевидно каузальный характер (пример такой связи — связь «владения жильем» с переменной «количество лет в России»), остальные же связи должны стать объектом интерпретации. Наконец, в-третьих, большая часть рассмотренных переменных статистически значимо связаны друг с другом, и эта связь зачастую объясняет связь каждой из них с переменной «владение жильем». Например, переменная «в данный момент работает» неожиданно негативным образом связана с владением жильем, однако это объясняется тем, что среди тех, кто не работает, больше женщин, которые занимаются домашним хозяйством, а такая конструкция больше распространена в семьях, давно живущих в России и имеющих жилье в собственности. В связи с этим необходим регрессионный анализ, который позволит сформулировать более обоснованные предположения о связях между переменными и ответить на вопрос о роли покупки жилья в жизни мигрантов и ее связи с интеграцией.

В то же время корреляционный анализ показывает, что самая сильная связь с владением жильем наблюдается у двух переменных — «количество лет в России» (в свою очередь связанной с переменной «возраст») и «наличие российского гражданства». Их коэффициенты детерминации — 0,22 и 0,32 соответственно. Попробуем включить в регрессионный анализ одновременно две этих переменных, в качестве зависимой взяв «владение жильем» (модель 1)⁹. Коэффициент детерминации этой модели достигает 0,39, а обе переменные — хотя сила связи между каждой из них и «владением жильем» снизилась — остались значимыми и сильно связанными с зависимой переменной. Это значит, что среди пребывающих в России долгое время остаются те, кто не приобрел недвижимость, однако одновременно с этим они не приобрели и гражданство. Можно предположить,

⁸ Таблицы корреляции по всем переменным доступны по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=10627&hash=e702d7d12362dfbed42162cda3517243>.

⁹ Здесь и далее — регрессионные таблицы по всем описанным моделям доступны по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=10627&hash=e702d7d12362dfbed42162cda3517243>.

таким образом, что приобретение недвижимости и гражданства тесно связаны друг с другом. Проверим это, поменяв «владение жильем» и «наличие гражданства» местами (модель 2). В этом случае коэффициент детерминации модели и коэффициенты β изменяются незначительно; это позволяет предположить, что гражданство и наличие недвижимости в собственности, будучи тесно связанными, объясняются примерно одним и тем же набором факторов. Кроме того, можно предположить, что эти переменные не связаны каузально, а скорее вместе объясняются другими факторами. В дальнейшем анализе мы будем периодически проверять эту гипотезу.

На следующем этапе выясним, какие переменные останутся значимыми, если осуществить контроль по количеству лет с момента первого приезда в Россию. Как следует из модели 3, транснационализм остается значимо связанным с зависимой переменной ($\beta = -0,196$, $p < 0,001$), как и переменная «количество лет в России» ($\beta = 0,446$, $p < 0,001$); последняя, впрочем, связана с зависимой переменной сильнее, и коэффициент детерминации этой модели составил 0,28. Содержательно это значит, что, скорее всего, мигранты — вне зависимости от того, сколько времени прошло со времени первого въезда в Россию, — с большей вероятностью приобретут жилье в случае, если их связи с сообществом в отправляющей стране менее интенсивны. Возможно, это связано с тем, где — здесь или там — находится семья, а точнее дети.

Следующие модели (4—7) проверяют роль связи с отправляющим сообществом помимо непосредственных членов семьи. Согласно результатам анализа, транснациональные связи будут поддерживаться вне зависимости от того, где живут члены нуклеарной семьи, и они будут негативным образом связаны с вероятностью наличия недвижимости в России в собственности. При прочих равных наличие здесь супруга и детей (эти переменные связаны между собой, $r = 0,586$, $p < 0,001$) будет положительно ($\beta = 0,179$, $p < 0,001$ и $\beta = 0,278$, $p < 0,001$ соответственно) связано с владением жильем. После контроля как отдельно по количеству лет в России (модель 8), так и по количеству лет в России и транснационализму одновременно (модель 9), переменная «регион проживания» остается связанной с наличием недвижимости. Содержательно это значит, что, хотя (как показывает корреляционный анализ) в Москве живет больше тех, кто ездит в Россию недавно, а также тех, кто поддерживает транснациональные связи, сам по себе факт проживания в Москве или Московской области связан с более низкой вероятностью владения недвижимостью. При контроле на длительность пребывания в России и уровень транснационализма сохраняются различия между мигрантами из разных стран, в частности, если сравнивать с Таджикистаном, чаще имеют недвижимость в собственности мигранты из Армении и Азербайджана, а реже — из Узбекистана. Более того, в уравнении, в которое одновременно включены переменные «количество лет в России», «страна происхождения», «живет с детьми», «регион проживания» и «транснационализм» (модель 11), все переменные будут значимы и вместе они будут объяснять наличие жилья в собственности на 40%.

Для проверки гипотезы о сходстве предикторов моделей, где переменные «владение жильем» и «наличие российского гражданства» поочередно выступают в качестве зависимых, для таких же предикторов была замерена связь с «нали-

чием гражданства» (модель 12). Как и ожидалось, β -коэффициенты оказались сходны — с той лишь разницей, что, по всей видимости, соотношение между гражданством и наличием недвижимости различается по странам происхождения мигрантов: выходцы из Таджикистана отличаются от прочих среднеазиатских мигрантов больше, чем от мигрантов из стран Закавказья.

Теперь перейдем к анализу моделей, которые позволяют ответить на ключевой вопрос статьи, а именно — о связи между наличием недвижимости в собственности и интеграционными переменными. Для начала выясним, есть ли связь между положением мигрантов на рынке труда, и, в частности, доходом и необходимостью профессиональной квалификации для выполнения работ, с одной стороны, и владением жильем, с другой. Напомним, что, согласно корреляционному анализу, среди неквалифицированных работников владельцев недвижимости было меньше, чем среди квалифицированных, однако с доходом наличие недвижимости в собственности, к удивлению, связано не было. Поместим эти переменные в регрессионное уравнение поочередно, сначала проконтролировав длительность пребывания в России и уровень транснационализма. Согласно полученным результатам (модель 13), доход остается незначимым, а эффект квалификационных требований для исполнения работ (модель 14) оказывается относительно небольшим ($\beta = 0,083$, $p = 0,023$). В случае включения в качестве контрольных переменных «страны происхождения», «проживания с детьми» и «региона проживания» (модели 15 и 16) как доход, так и квалификационные требования оказываются незначимы. Из этого можно заключить, что интеграционные показатели, связанные с рынком труда, не имеют собственной связи с владением жильем помимо уже обнаруженной в различиях между «старыми» и «новыми» мигрантами, жителями столичного региона и всех остальных и проч. Кроме того, взятые отдельно, эти показатели с наличием жилья если и связаны, то слабо. Иными словами, доходы у тех, кто только недавно начал ездить в Россию, и тех, кто ездит в Россию давно, даже при том, что последние чаще заняты на позициях, требующих квалификации, практически не различаются. Такое положение вещей можно попытаться объяснить эффектом пандемии, но, возможно, речь идет о более устойчивых структурных причинах. О них пойдет речь в заключительной части статьи.

От положения мигрантов на рынке труда как фактора, предсказывающего наличие недвижимости, перейдем к различным аттитюдным, поведенческим и прочим показателям интеграции. Напомним, на основании десяти вопросов анкеты был сконструирован индекс интеграции, а кроме того — было выделено три отдельных интеграционных показателя, получившие названия «укорененность», «ингрупповой фаворитизм» и «свободное знание русского языка». Здесь мы повторяем схему анализа, проведенного в отношении переменных, описывающих положение мигрантов на рынке труда, начиная с переменной «интеграция».

В модели, где контрольными переменными выступают «количество лет в России» и «транснационализм» (модель 17), переменная «интеграция» не является статистически значимой, равно как не фиксируется ее эффекта в модели с прочими контрольными переменными (модель 18) — «страной происхождения», «регионом» и «проживанием с детьми». Таким образом, факт собственности на жилье неплохо (коэффициент детерминации доходит до 0,40) объясняется прежде всего тем,

сколько времени прошло с момента первого въезда в Россию, наличием интенсивных транснациональных связей, страной происхождения, регионом проживания в России, а также проживанием с семьей, однако отдельная роль характеристик интеграции — помимо того, что уже объясняют указанные контрольные переменные, — отсутствует. Иначе говоря, интеграция сама по себе не связана с покупкой недвижимости в России. Сходные показатели фиксируются в моделях, где рассматриваются два из трех аспектов интеграции — ингрупповой фаворитизм (модели 21 и 22) и знание русского языка (модели 23 и 24). Хотя эти аспекты, взятые отдельно, в той или иной степени связаны с фактом владения жильем ($r = -0,066$, $p = 0,062$ и $r = 0,189$, $p < 0,001$ соответственно), последнее статистически убедительно объясняется другими факторами, в эффект которых заложен эффект интеграционных переменных. Иная ситуация складывается в отношении последнего компонента интеграции — укорененности. Как в уравнении с неполным, так и в уравнении с полным набором контрольных переменных (модели 19 и 20 соответственно) эта переменная значима; сила эффекта при этом относительно небольшая, однако в одной из моделей она оказывается больше, чем сила эффекта транснационализма. Из этого можно заключить, что укорененность связана с собственностью на недвижимость отдельным от прочих компонент интеграции образом. Из описанных моделей, впрочем, можно сделать вывод, что покупка недвижимости в России практически не связана с большинством показателей интеграции. Интеграция протекает в рамках одной логики, а покупка недвижимости — в рамках другой; их роднит то, что и то, и другое — так или иначе связано со временем пребывания в России.

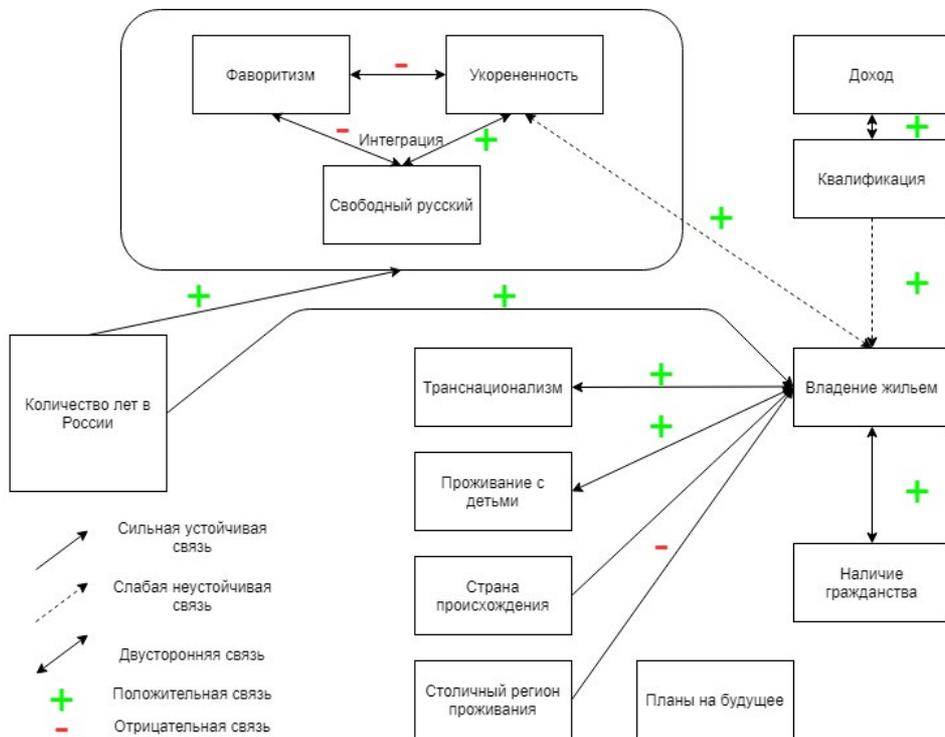
На этом основании можно предположить, что покупка недвижимости мигрантами не связана с тем, рассматривают ли они Россию как «конечную остановку» — страну, в которой они будут жить в будущем и стареть. Проверим эту гипотезу, измерив эффект переменной «планы на будущее», которая представляет из себя шкалу ответов от «жить в России» до «жить в другой стране» (модели 25 и 26). Если при малом наборе контрольных переменных сила этого эффекта невелика, но он статистически значим, то при расширении перечня регрессоров эффект уходит практически полностью. Вновь, среди тех, кто долгое время находится в России, а также тех, кто живет менее активной транснациональной жизнью, оказывается больше тех, кто хочет жить в России. Более того, все эти переменные по отдельности связаны с наличием недвижимости в собственности («планы на будущее», впрочем, показывают существенно более слабую связь), однако отдельного эффекта переменной «планы на будущее» на наличие недвижимости нет. В связи с этим можно сказать, что включение планов на будущее в рассмотрение не позволяет лучше объяснить механизмы и причины приобретения жилья мигрантами.

Финальная модель (модель 27), в которую были включены все переменные, сохранившие значимость после контроля по большому набору переменных, наличие российского гражданства, а также социально-демографические переменные, до этого остававшиеся за рамками модели (по причине отсутствия хорошей и нетривиальной теории, которая бы описывала связь между этими переменными и наличием недвижимости в собственности), позволяет объяснить распределение этой переменной на 46%. В этой конструкции независимых переменных статисти-

ческую значимость теряет укорененность, что еще раз позволяет предположить, что интеграция и наличие недвижимости в собственности могут быть связаны друг с другом хронологически, но не по смыслу.

На схеме (см. рис. 5) с некоторой долей условности представлены основные результаты вычислений. Стрелками обозначены связи, которые сохраняются в регрессионном уравнении при наличии контрольных переменных, сплошные стрелки — это устойчивые и сильные связи, пунктирные — слабые и неустойчивые. Знаки «+» и «-» обозначают направление связей (положительные или отрицательные). Одно- или двусторонние стрелки — это предположения о каузальности. Главный и основной результат — это отсутствие устойчивых связей между владением жильем и блоком интеграционных переменных. Позиции мигрантов на рынке труда также не являются важным предиктором владения жильем. При этом наиболее существенные факторы, которые предсказывают последнее, — это количество лет пребывания в России, уровень транснационализма, проживание с детьми, столичный регион проживания, а также страна происхождения мигрантов. Кроме того, владение жильем связано с наличием гражданства, и набор факторов, который предсказывает последнее, во многом совпадает с набором, предсказывающим владение жильем.

Рис. 5. Схема, описывающая результаты анализа

Дискуссия

Что означают эти результаты? По-видимому, для российских мигрантов до определенной степени релевантна модель линейной ассимиляции, когда большинство интеграционных и прочих переменных связаны друг с другом, а также с количеством лет, прошедших с момента первого въезда в Россию. Мигранты, оказавшись в России, постепенно учат русский язык, устанавливают социальные связи разного типа, начинают идентифицировать себя со страной в целом и конкретными местами в ней, меняют установки в отношении тех, кто относится к их национальности и религии, и тех, кто к ним не относится, и со временем получают гражданство и покупают квартиру. Параллельно с этим снижается и интенсивность транснациональных связей, и это позволяет заключить, что модель линейной ассимиляции дополняет транснациональная модель.

Более детальный анализ, однако, показывает, что и разные показатели интеграции, и владение жильем, будучи ассоциированы со временем пребывания в России, практически не связаны друг с другом. Как это можно объяснить? Привлечем для этого две теории — теорию сегментной ассимиляции [Portes, Zhou, 1993; Portes, Rumbaut, 2001] и теорию двойного рынка труда [Reich, Gordon, Edwards, 1973; Massey et al., 1993]. Согласно первой из них, разные аспекты интеграции не связаны друг с другом, и можно преуспеть в принимающем обществе, поддерживая существенный уровень ингруппового фаворитизма. По всей видимости, с годами пребывания в России мигранты в большинстве случаев накапливают ресурс для того, чтобы приобрести недвижимость, однако ни накопление этого ресурса, ни приобретение недвижимости (равно как и получение гражданства) само по себе почти не будет связано со снижением уровня ингруппового фаворитизма и прочими показателями культурной, социальной и идентификационной интеграции за исключением укорененности, которая, однако, может появиться в результате покупки недвижимости. Из других исследований известно, что в некоторых случаях именно покупка недвижимости становится для мигрантов индикатором «укоренения» в районную жизнь, и весьма логично, что соответствующее ощущение может дать факт наличия собственности на недвижимость [Ермакова, Варшавер, Иванова, 2020]. Вместе с тем отсутствие отдельной связи между владением жильем и планами на будущее позволяет предположить и то, что покупка жилья может быть рациональной инвестицией, которая именно поэтому и не связана с прочими аспектами интеграции и осуществляется в тот момент, когда для такой инвестиции появляются ресурсы. Эти ресурсы могут носить в том числе и распределенный, родственно-земляческий характер, и именно так можно объяснить различия между среднеазиатскими и закавказскими странами в части вероятности приобретения жилья при одинаковой длительности пребывания в стране — коллективный ресурс закавказских мигрантов выше. Отдельный вопрос состоит в том, почему связь между положением мигрантов на рынке труда и владением жильем слаба или отсутствует. Здесь, задействовав ресурсы теории двойного рынка труда, можно предположить, что те позиции, на которых работают мигранты, не дают существенных возможностей ни для карьерного роста, ни для роста доходов, в результате чего значимым фактором для приобретения недвижимости является только то, сколько лет мигрант осуществляет такую деятельность

и, соответственно, сколько лет он копит ресурс для последующей инвестиции. По всей видимости, похожим статусом обладает гражданство, которое, ко всему прочему, дополнительно связано с владением жильем; в данном случае работает совокупность механизмов, среди которых и необходимость постоянной регистрации для получения гражданства, и большая доступность ипотечных кредитов для граждан России.

При этом важно отметить, что материалы, собранные в ходе этого исследования, как и любые данные опросов о миграции, имеют методологические ограничения. Речь идет о том, что данные обычно собираются либо в принимающем обществе, либо — реже — в отправляющем, и практически не собираются одновременно и в том, и в другом. В структуре полученной нами опросной выборки много молодежи. Можно предположить, что это следствие сбора данных посредством социальных сетей, где перепредставлена молодежь. Однако в первую очередь это, по всей видимости, связано с тем, что постсоветская миграция — это в значительной степени транснациональная миграция [Rahmonova–Schwarz, 2012; Абашин, 2016]. Российские мигранты обычно не переезжают однократно, но начинают приезжать на заработки, а затем остаются или не остаются в России. Вполне возможно, что к этому выбору мигрантов подталкивает нормативность, связанная с этапом жизненного пути: поездки на заработки в странах с миграционной культурой [Kandel, Massey, 2002] — занятие для молодых, для представителей более старших возрастов они могут являться индикатором социальной неуспешности. В таком случае может стоять выбор между тем, чтобы вернуться или остаться в России, при этом последнее будет предполагать получение гражданства и покупку недвижимости. Как следует из наших данных, большинство тех, кто сейчас в России и первый раз приехал пятнадцать или более лет назад, действительно, со временем покупают жилье. Однако более важной задачей в этом контексте было бы определить, кто после нескольких лет поездок остается в России, а кто возвращается в страну происхождения, поскольку именно с этим в первую очередь связан факт наличия недвижимости — при том, что большинство независимых переменных, которые были использованы для объяснения наличия недвижимости в собственности, весьма вероятно, объясняли бы и выбор страны для жизни. Более того, можно предположить, что интеграционные переменные в таком моделировании сыграли бы гораздо более важную роль. Исследования того, в какой стране — отправляющей или принимающей — мигрант покупает жилье, существуют [Owusu, 1998], но большинство из них также оказывается в плену описанного методологического смещения. Можно, таким образом, дополнить созданную модель следующим образом: те, кто по какой-то причине по прошествии десяти-пятнадцати лет поездок в Россию все еще находится в России, с высокой долей вероятности имеют недвижимость в собственности, однако почему они остаются в России, а не в стране происхождения — мы доподлинно не знаем. Это заставляет всерьез задуматься о большом транснациональном исследовании, в фокусе которого оказались бы те, кто родился в одной из отправляющих стран и за последние десятилетия ездил в Россию, а в качестве ключевого исследовательского вопроса было бы то, почему в результате они оказались в России или в отправляющей стране. В такое исследование, безусловно, были бы включены и вопросы, связанные с наличием недвижимости в той или иной стране.

Описанное ограничение является, пожалуй, основным, но не единственным. Как и в других исследованиях такого типа, кросс-секционный дизайн позволяет с известной долей условности говорить о связи переменных: скажем, количества лет со времени первого въезда и фактом покупки недвижимости. Однако фактически речь идет о том, что среди начавших поездки в соответствующий период доля людей с недвижимостью в собственности выше, и тому теоретически могут быть иные объяснения, в частности, связанные с конъюнктурой на рынке труда в те или иные годы. В приведенном примере представляется, что речь все-таки идет именно о влиянии времени на покупку недвижимости посредством накопления ресурсов, однако, в целом, кросс-секционный, а не лонгитюдный дизайн исследования создает существенные ограничения с точки зрения определения каузальности связей. Помимо лонгитюдного дизайна способом верификации причинно-следственной связи могла бы стать серия глубинных интервью, проясняющих ход мысли информантов, пришедших к покупке жилья. Как упоминалось выше, в качественных социологических интервью, взятых авторами в рамках параллельного проекта, было показано, что жилье покупается под влиянием необходимости укоренения как элемента типичной биографии; значит, время здесь оказывается фактором, влияющим на принятие решения. Такие выводы, однако, предполагают иной дизайн исследовательского проекта и не могут быть сделаны на материале этой статьи.

Еще одно важное ограничение состоит в том, что исследование проводилось в специфический период — во время пандемии коронавируса. Мигрантов пандемия на различных этапах ее развития затронула по-разному. Если в ее начале многие мигранты потеряли работу и доход [Варшавер, Иванова, Рочева, 2020; Рочева, Варшавер, Иванова, 2020], то в момент сбора этих данных (ноябрь — декабрь) в России, экономика которой восстанавливалась после локдауна, мигрантов было примерно на миллион меньше, чем обычно бывает в этот сезон [Флоринская, Мкртчян, 2021]. Это создало большой дефицит на рынке труда, и в результате зарплаты низкоквалифицированных мигрантов существенно выросли, что может объяснять отсутствие связи между доходом и собственностью на недвижимость — различия в оплате труда мигрантов разной квалификации временно сгладились.

Все обозначенные ограничения, с точки зрения авторов, не отменяют основных выводов исследования. Так, для прибывающих в Россию мигрантов в целом релевантна модель линейной ассимиляции: она объясняет статус владения недвижимостью — со увеличением времени, прошедшего с первой поездки в Россию, линейно растут как показатели интеграции, так и доля владеющих недвижимостью. При этом дополнительной связи между большинством показателей интеграции и наличием жилья в собственности — помимо той, которая обеспечивается названной выше длительностью пребывания в стране, — нет.

Список литературы (References)

Абашин С. Н. Транснациональная миграция в Россию и интеграционный потенциал трудовых мигрантов // Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / ред. и сост. М. С. Розанова;

пер. с англ. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»: Скифия-принт, 2016. С. 43—55.
Abashin S. N. (2016) Transnational Migration to Russia and the Integration Potential of Labor Migrants. In: Rozanova M. S. (ed.) *Labor Migration and Migrant Integration Policy in Germany and Russia: A Collective Monograph*, transl. by Rozanova M. S., A. B. Lesokhin. St. Petersburg: Center for Civil, Social, Scientific and Cultural Initiatives STRATEGY; Scythia-print. P. 43—55. (In Russ.)

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. Т. 2. № 3. С. 72—95.

Brednikova O., Tkach O. (2010) What Home Means to the Nomad. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 2. No. 3. P. 72—95. (In Russ.)

Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса. Москва: РАНХиГС, 2020. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3672397>.

Varshaver E., Ivanova N., Rocheva A. (2020) Migrants in Russia during the COVID-19 Pandemic: Survey Results. Moscow: RANEPА. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3672397>. (In Russ.)

Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // *Журнал исследований социальной политики*. 2016. Т. 14. № 3. С. 315—330.

Varshaver E. A., Rocheva A. L. (2016) Migrant Integration: What is it and What Role Does the State Play in Its Implementation? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 315—330. (In Russ.)

Гришанов В. И., Ноздрин Н. Н., Шнейдерман И. М. Роль жилья в миграционных процессах в России // *Народонаселение*. 2017. Т. 78. № 4. С. 91—104. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-7>.

Grishanov V. I., Nozdrina N. N., Schneiderman I. M. (2017) The Role of Housing in Migration Processes in Russia. *Population*. Vol. 78. No. 4. P. 91—104. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2017-4-7>. (In Russ.)

Ермакова М. А., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Характеристики проживания и интеграция мигрантов в Москве и Московской области // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2020. Т. 20. № 2. С. 363—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>.

Ermakova M. A., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) Features of Settlement and Integration of Migrants in Moscow and the Moscow Region. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 20. No. 2. P. 363—381. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-363-381>. (In Russ.)

Рочева А. Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21. № 2. С. 31—50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319>.

Rocheva A. L. (2015) Research of 'Tenant Career' Positions and Housing Models of Migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow. *Sociological Journal*. Vol. 21. No. 2. P. 31—50. <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.2.1319>. (In Russ.)

Рочева А. Л., Варшавер Е. А., Иванова Н. С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>.

Rocheva A. L., Varshaver E. A., Ivanova N. S. (2020) Vulnerable Groups in Disasters: Solidarity and Trust in Government as the Basis for Migrant Strategies in Russia during the COVID-19 Pandemic. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 488—511. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1714>. (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф., Мкртчян, Н. В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 50—54. Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V. (2021) Migration to Russia: the Lowest Rate in a Decade. *Russian Economic Developments*. Vol. 28. No. 1. P. 50—54. (In Russ.)

Alba R. D., Logan J. R. (1992) Assimilation and Stratification in the Homeownership Patterns of Racial and Ethnic Groups. *International Migration Review*. Vol. 26. No. 4. P. 1314—1341. <https://doi.org/10.1177/019791839202600411>.

Amuedo-Dorantes C., Mundra K. (2013) Immigrant Homeownership and Immigration Status: Evidence from Spain. *Review of International Economics*. Vol. 21. No. 2. P. 204—218. <https://doi.org/10.1111/roie.12031>.

Balakrishnan T. R., Wu Z. (1992) Home Ownership Patterns and Ethnicity in Selected Canadian Cities. *Canadian Review of Sociology/Revue Canadiens de Sociologie*. Vol. 17. No. 4. P. 389—403. <https://doi.org/10.2307/3341216>.

Callis R. R. (2003) Moving to America — Moving to Homeownership: 1994—2002. Current Housing Reports H121/03—1. Washington, DC: U. S. Census Bureau. URL: <https://www.census.gov/prod/2003pubs/h121-03-1.pdf>.

Chua J., Miller P.W. (2009) The Impact of Immigrant Status on Home Ownership in Australia. *International Migration*. Vol. 47. No. 2. P. 155—192. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2008.00504.x>.

Constant A. F., Roberts R., Zimmermann K. F. (2009) Ethnic Identity and Immigrant Homeownership. *Urban Studies*. Vol. 46. No. 9. P. 1879—1898. <https://doi.org/10.1177/0042098009106022>.

Elder G. H. (1994) Time, Human Agency, and Social Change: Perspectives on the Life Course. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 57. No. 1. P. 4—15. <https://doi.org/10.2307/2786971>.

Erdal M. B. (2012) 'A Place to Stay in Pakistan': Why Migrants Build Houses in Their Country of Origin. *Population, Space and Place*. Vol. 18. No. 5. P. 629—641. <https://doi.org/10.1002/psp.1694>.

Esser H. (2001) Integration und Ethnische Schichtung. Arbeitspapiere – Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung Nr. 40. Mannheim: Mannheimer Zentrum für

Europäische Sozialforschung. URL: <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-40.pdf>.

Feijten P., Mulder C. H., Baizán P. (2003) Age Differentiation in the Effect of Household Situation on First–Time Homeownership. *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 18. No. 3. P. 233–255. <https://doi.org/10.1023/A:1025111119396>.

Heckmann F. (2005) Integration and Integration Policies: IMISCOE Network Feasibility Study. Bamberg: European Forum for Migration Studies. URL: <https://www.efms.uni-bamberg.de/pdf/INTPOL%20Final%20Paper.pdf>.

Johnston S. J., Katimin M., Milczarski W. J. (1997) Homeownership Aspirations and Experiences: Immigrant Koreans and Dominicans in Northern Queens, New York City. *Cityscape: A Journal of Policy Development and Research*. Vol. 3. No. 1. P. 63–90.

Kandel W., Massey D. S. (2002) The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis. *Social Forces*. Vol. 80. No. 3. P. 981–1004. <https://doi.org/10.1353/sof.2002.0009>.

Kauppinen T. M., Skifter Andersen H., Hedman L. (2015) Determinants of Immigrants' Entry to Homeownership in Three Nordic Capital City Regions. *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. Vol. 97. No. 4. P. 343–362. <https://doi.org/10.1111/geob.12085>.

Kauppinen T. M., Vilkkama K. (2016) Entry to Homeownership among Immigrants: a Decomposition of Factors Contributing to the Gap with Native–Born Residents. *Housing Studies*. Vol. 31. No. 4. P. 463–488. <https://doi.org/10.1080/02673037.2015.1094566>.

Kim A. H., Boyd M. (2009) Housing Tenure and Condos: Ownership by Immigrant Generations and the Timing of Arrival. *Canadian Journal of Urban Research*. Vol. 18. No. 1. P. 47–73.

Krivo L. J. (1995) Immigrant Characteristics and Hispanic-Anglo Housing Inequality. *Demography*. Vol. 32. No. 4. P. 599–615. <https://doi.org/10.2307/2061677>.

Kuure V. Z., Arku G., Luginaah I., Abada T., Buzzelli M. (2016) Impact of Remittance Behaviour on Immigrant Homeownership Trajectories: An Analysis of the Longitudinal Survey of Immigrants in Canada from 2001 to 2005. *Social Indicators Research*. Vol. 127. No. 3. P. 1135–1156. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1011-9>.

Magnusson Turner L., Hedman L. (2014) Linking Integration and Housing Career: A Longitudinal Analysis of Immigrant Groups in Sweden. *Housing Studies*. Vol. 29. No. 2. P. 270–290. <https://doi.org/10.1080/02673037.2014.851177>.

Massey D. S. (1985) Ethnic Residential Segregation: A Theoretical Synthesis and Empirical Review. *Sociology and Social Research*. Vol. 69. No. 3. P. 315–350.

Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Edward Taylor J. (1993) Theories of International Migration: A Review and Appraisal. *Population and Development Review*. Vol. 19. No. 3. P. 431–466. <https://doi.org/10.2307/2938462>.

- McConnell E.D., Marcelli E.A. (2007) Buying into the American Dream? Mexican Immigrants, Legal Status, and Homeownership in Los Angeles County. *Social Science Quarterly*. Vol. 88. No. 1. P. 199–221. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2007.00454.x>.
- Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds.). (2007) Handbook of the Life Course. New York, NY: Springer Science+Business Media.
- Myers D., Lee S. W. (1998) Immigrant Trajectories into Homeownership: A Temporal Analysis of Residential Assimilation. *International Migration Review*. Vol. 32. No. 3. P. 593–625. <https://doi.org/10.1177/019791839803200302>.
- Obeng-Odoom F. (2010) Urban Real Estate in Ghana: A Study of Housing-Related Remittances from Australia. *Housing Studies*. Vol. 25. No. 3. P. 357–373. <https://doi.org/10.1080/02673031003711568>.
- Osili U. O. (2004) Migrants and Housing Investments: Theory and Evidence from Nigeria. *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 52. No. 4. P. 821–849. <https://doi.org/10.1086/420903>.
- Owusu T. Y. (1998) To Buy or not to Buy: Determinants of Home Ownership among Ghanaian Immigrants in Toronto. *Canadian Geographer/Le Géographe Canadien*. Vol. 42. No. 1. P. 40–52. <https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1998.tb01551.x>.
- Portes A., Rumbaut R. G. (2001) Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation. Berkeley, CA: University of California Press.
- Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74–96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.
- Rahmonova-Schwarz D. (2012) Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia. Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. Baden-Baden: Nomos.
- Ray B. K., Moore E. (1991) Access to Homeownership among Immigrant Groups in Canada. *Canadian Review of Sociology/Revue Canadienne de Sociologie*. Vol. 28. No. 1. P. 1–29. <https://doi.org/10.1111/j.1755-618X.1991.tb00142.x>.
- Reich M., Gordon D. M., Edwards R. C. (1973) A Theory of Labor Market Segmentation. *The American Economic Review*. Vol. 63. No. 2. P. 359–365.
- Schiller N. G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Annals of the New York Academy of Sciences*. Vol. 645. No. 1. P. 1–24. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1992.tb33484.x>.
- Shooshtari S., Harvey C. D., Ferguson E., Heinonen T., Khan S. (2014) Effects of Remittance Behavior on the Lives of Recent Immigrants to Canada from the Philippines: A Population-Based Longitudinal Study. *Journal of Family and Economic Issues*. Vol. 35. No. 1. P. 95–105. <https://doi.org/10.1007/s10834-013-9356-1>.

Teixeira C. (2006) Housing Experiences of Black Africans in Toronto's Rental Market: A Case Study of Angolan and Mozambican Immigrants. *Canadian Ethnic Studies*. Vol. 38. No. 3. P. 58—86.

Vertovec S. (2009) *Transnationalism*. London: Routledge.

Yu Z. (2006) A Different Path to Homeownership: The Case of Taiwanese Immigrants in Los Angeles. *Housing Studies*. Vol. 21. No. 4. P. 555—579. <https://doi.org/10.1080/02673030600709082>.